

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.-

тov. Я Г О Д А.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Арестованного Г.С.ФРИДЛЯНДА.

Тяжелы мои преступления перед партией и родиной, тяжело сознавать, что воспитанный и поставленный на ноги с молодости заботами партии, я оказался в рядах ее предателей, в рядах троцкистских бандитов. Нет оправданий моим преступлениям; суровая правда должна быть прежде всего сказана мною о себе самом и о других, со мною связанных преступниках. Как член троцкистской террористической организации я виновен в самом подлом и самом гнусном из преступлений,- в терроре против вождей ВКП(б), виновен какова бы ни была мера моего личного участия в этой бандитской деятельности. Свою задачу я вижу сейчас только в одном: разоблачить себя и соучастников до конца, чтобы

следствие и пролетарский суд вырвали ядовитое семя троцкизма в стране с корнем.

Прежде всего надо начинать о себя, со своих преступлений.

С 1926 по 1930 год мои к.р. троцкистские высказывания подготовили почву для моего вступления в ряды троцкистской организации в 1930 году. Я не буду здесь перечислять все факты моей двурушнической работы этих лет (до 1930 года). Достаточно здесь указать, что в эти годы я находился в связи со многими троцкистами Института Маркса и Энгельса (КРАСНЫЙ, КУНИССКИЙ, ТЕР-ВАГАНЯН и т.д.). Я публично клеветал на партию, когда в 1927 году на собрании в Ком.академии выступил с речью, в которой лживо утверждал, что партия не ведет борьбы с правыми. Если формально я в эти годы и не был членом троцкистской организации, троцкисты с полным основанием могли считать меня своим человеком.

В 1930 г. я был вовлечен в троцкистскую организацию ТЕР-ВАГАНЯНОМ, которого я знал много лет и который знал меня, как троцкиста. К этому времени относится начало моих троцкистских связей с такими лицами, как СОКОЛЬНИКОВ, Карл РАДЕК. С СОКОЛЬНИКОВЫМ и Г.СЕРЕБРЯКОВОЙ я познакомился в Лондоне в 1930 году как делегат Международного Комитета Исторических Наук. С РАДЕКОМ я в конце 1930 году встречался в связи с обсуждением вопросов дискуссии на фронте истории запада.

ТЕР-ВАГАНЯН в беседах со мной поставил мне, как организационную задачу, работу среди историков, работников Ком.Академии, вовлечение и расширение троцкистских связей путем агитации и пропаганды троцкистских идей. Эта задача в 1930 г. выполнялась мною в моей литературной и теоретической работе.

В конце 1930 г. я встречался с РАДЕКОМ, который одобрил мои теоретические позиции во время борьбы на историческом фронте весной 1931 года и, тем самым, прямо помогал моей троцкистской работе среди историков. Зимой 1930 года я часто посещал СЕРЕБРЯКОВУ до ее вторичного от'езда в Лондон. Она не только знала, что я троцкист, она мне говорила о том, что была близка в свое время с Троцким, что, будучи женой СЕРЕБРЯКОВА, а позже СОКОЛЬНИКОВА, поддерживала связи с Троцким. Об этом я надеюсь передать следствию подробно.

Г.СОКОЛЬНИКОВА, который был в это время в Лондоне, я еще не видел. В Лондоне Г.СЕРЕБРЯКОВА мне говорила, что она встречает и связана с троцкистами. В 1931 году я тяжело заболел и проболел около 2½ лет. Этим и об'ясняется прекращение моей троцкистской работы в это время. Во время моей болезни, ко мне в больницу заходили троцкисты: ТЕР-ВАГАНЯН, СТЕН, Г.СЕРЕБРЯКОВА. Летом 1933 года я возобновил свою троцкистскую работу. Она выражалась прежде всего в моих клеветнических выступлениях против партии в связи с письмом тов. СТАЛИНА в жур-

нал "Пролетарская революция". Я защищал изгнанных троцкистов и троцкистских контрабандистов среди историков.

Летом 1933 года, я сообщал это следствию, - ТЕР-ВАГАНЯН передал мне о состоявшемся в 1932 г. совещании блока троцкистов, зиновьевцев и леваков. Так как я был после болезни в тяжелом состоянии, то в подробности дела он меня не посвятил, хотя и сообщил мне, что на совещании решено было активизировать борьбу против партийного руководства. Считаю необходимым отметить здесь, что в половине 1933 года, я работал внешним редактором издательства "Академия" где встречался с Л.Б. КАМЕНЕВЫМ. Л.Б. КАМЕНЕВ считал, что я организационно связан с ТЕР-ВАГАНЯНОМ, поэтому ограничивался общими разговорами со мной контрреволюционного содержания - о зажиме мысли в партии, о чиновниках руководящих наукой в угоду ЦК, об озлобленности, которая нарастает среди мыслящей интеллигенции против партии и правительства. Л.Б. КАМЕНЕВ устраивал совещания ред.издат Совета у себя дома. На совещании, на котором я был как редактор, присутствовали: ЮДИН, ЛУШПОЛ, ВОЛГИН, ДЖИВЕЛЕГОВ, ЭФРОС; все основные работники издательства. На заседании был и СМИЛГА, который числился в "Академии" редактором серии исторических мемуаров.

В 1933 году я возобновил свои встречи с Г.СЕРЕБРЯКОВЫЙ и Г.Я. СОКОЛЬНИКОВЫМ. О людях, которые посещали в это время квартиру СОКОЛЬНИКОВА, я сообщал следствию:

Считаю необходимым подчеркнуть, что кругом моих встреч на квартире СОКОЛЬНИКОВА не может быть исчерпана та троцкистская публика, которая их посещала. Так, я вспоминаю еще дополнительно арестованного позже троцкиста Б. КУШНЕРА. Троцкисты связывались с этим домом через БЫКА. В 1933 г. возобновились мои встречи с К. РАДЕКОМ. Он настаивал на том, чтобы я поддерживал с ним связь и информировал его о настроениях в научных кругах.

К систематической работе я вернулся только весной 1934 года, когда был назначен деканом Исторического факультета МГУ. С весны 1934 года я развернул широкую работу среди историков и собрал основные кадры историков троцкистов в университете. Я начал осуществлять указания ТЕРА-ВАГАНЯНА о троцкистской работе, данные мне летом 1933 года. Летом, в июле 1934 года ТЕР-ВАГАНЯН снова повторил мне гораздо более подробно о решениях совещания 1932 года, о переходе троцкистов на позиции террора и предложил мне приступить к работе по расширению организации.

Следствию мною было передано подробно о моей работе среди историков в 1934 году.

ТЕР-ВАГАНЯН, находясь в организационной связи со мной, одновременно был связан с другими руководителями троцкистко-террористических групп. Он находился в самостоятельной связи с наиболее активной из этих групп ВАНАГА-ЗАЙДЕЛЯ. Он им прямо передавал директивы о задачах

115

террора. По поводу своих отношений с этими лицами я сообщал следствию. Больше ничего к этому прибавить не могу, так как автомобильная катастрофа удержала меня с переломанными костями в постели много недель.

Хочу здесь прежде всего остановиться на моей троцкистской работе и связях в 1935-1936 г.г. на моих отношениях с РАДЕКОМ и СОКОЛЬНИКОВЫМ. Я не считаю, что указанным выше я исчерпал все, уверен, что следствие поможет мне уточнить то, что я ~~вольно~~ или невольно забыл. Я прошу учесть мое состояние и состояние моей памяти.

С К.РАДЕКОМ я познакомился еще на II-м конгрессе Коминтерна в 1920 году. До 1930 года я встречался с ним однако редко. В эти годы я встречал часто историка ПРИГОЖИНА. После моей болезни в 1933 году я искал работы и обратился к ПРИГОЖИНУ - не может ли он помочь мне в переговорах с РАДЕКОМ в поисках для меня работы. ПРИГОЖИН сделал это охотно. Я был у РАДЕКА на квартире весной 1933 года. РАДЕК не скрывал, что знает меня как троцкиста и обещал оказать мне всяческое соедействие. Он сообщил мне о своей политической близости к ПРИГОЖИНУ, о том, что последний его ближайший политический сотрудник и что ПРИГОЖИН выполняет его, РАДЕКА, прямые указания. В свою очередь А. ПРИГОЖИН говорил мне, что он работает по указаниям РАДЕКА. РАДЕК не только одобрял политическую, но и теоретическую работу ПРИГОЖИНА. Он

стремился его привлечь в Москву для активной работы на историческом фронте. Политическое руководство троцкистской деятельностью ПРИГОЖИНА со стороны РАДЕКА не подлежит сомнению. РАДЕК, защищая ПРИГОЖИНА, в беседах со мною всегда подчеркивал, что это "его человек", политически ему наиболее близкий среди историков, что "ПРИГОЖИН строго выполняет то, что ему говорят, хотя он и горячий парень". Вот почему я могу прямо сказать на основании этих бесед и со слов ПРИГОЖИНА, что Карл РАДЕК был мне известен, как троцкист и в 1933-1936 г.г. Доказывают это и мои беседы с РАДЕКОМ, его антипартийные высказывания, сообщенные мною в протоколе следствия.

Я хотел бы также остановиться подробно на моих отношениях с домом СОКОЛЬНИКОВЫХ. Моя связь с Г.Я. СОКОЛЬНИКОВЫМ и Г.СЕРЕБРЯКОВОЙ в 1935-1936 г.г. была прямым продолжением моих сношений с ними в 1933-1934 г.г. В последние годы дом СОКОЛЬНИКОВЫХ посещали лица перечисленные мною следствию. Мои сношения с СОКОЛЬНИКОВЫМ, как правило, велись через Галину СЕРЕБРЯКОВУ. Указанный мною САРАТОВЦЕВ был в Москве только короткое время. Обращался я к СОКОЛЬНИКОВУ часто потому, что после ареста ТЕРА и исчезновения из Москвы ряда других троцкистов СОКОЛЬНИКОВ был единственным крупным троцкистом, которого я знал в Москве. Рейнгольда я за последние 4-5 лет видел на квартире у СОКОЛЬНИКОВА всего 1-2 раза. Г.СЕРЕБРЯКОВА мне говорила о полной растерянности, об отсут-

ствии линии у ее мужа Р. СОКОЛЬНИКОВА. Этой растерянности всегда противопоставлялась непримиримость РЕИНГОЛЬДА, БЫКА, ГАЛКИНА. Я из разговоров с СОКОЛЬНИКОВЫМ вынес другое впечатление. Мне казалось, что СОКОЛЬНИКОВ был озабочен выяснением вопроса об установлении новой линии троцкистского походения после убийства С.М. КИРОВА. Впечатление это сложилось у меня на основании следующих бесед с СОКОЛЬНИКОВЫМ. Я передавал однажды СОКОЛЬНИКОВУ о настроении среди пролетарского студенчества, о волне озлобленности среди части студентов в связи с исключением из ВУЗ'ов. Я говорил о работе среди студентов. СОКОЛЬНИКОВ ограничился ответом, что вопрос этот следует обсудить. Я спрашиваю его в каком смысле обсудить, он отвечает: "Вопрос этот нельзя ставить изолированно его надо увязать с общими политическими вопросами". Я спросил при другой встрече у СОКОЛЬНИКОВА в связи с высылкой из Москвы троцкистов, в том числе членов партии (среди них был БЫК), как придется в дальнейшем вести работу. СОКОЛЬНИКОВ ответил мне, что вопрос этот надо будет еще обсудить. Когда ГАЛКИН в беседе, - о которой я говорил следствию, заявил, что "дело террора это не дело уже организации", т.е., что в дальнейшем террор должен стать распыленным, делом одиночек, иначе говоря принять чисто бандитский характер, он встретил отпор присутствующих, в том числе и меня. Спустя несколько дней я спросил СОКОЛЬНИКОВА его мнение по поводу слов

ГАЛКИНА. Он ответил кратко, что "ГАЛКИН сбесился", но не сделал более подробных замечаний, сославшись на какие-то будущие решения. Я понял из его слов, что вопрос этот находится в стадии разрешения. Это было сказано примерно осенью 1935 года.

В конце 1935 года из разговоров с СЕРЕБРЯКОВОЙ я узнал, что РЕЙНГОЛЬД ведет переговоры с "деловыми" людьми. Я попытался уточнить, но она мне ответила, что она сама точно не знает с кем, при этом заметила: "Вроде ШЛЕЙФЕРА". Я добавил, или "вроде КАРПОВА". Ответа я не получил. Спустя некоторое время, примерно в конце 1935 или в январе 1936 года СЕРЕБРЯКОВА спросила меня встречаюсь ли я с РАДЕКОМ. Я ответил, что в последнее время, в связи с работой над учебником истории, довольно часто. Она просила меня спросить РАДЕКА не зайдет ли он к ним для политической беседы. Я обещал это сделать. В эти месяцы на квартире СОКОЛЬНИКОВА часто бывал КАРПОВ. СОКОЛЬНИКОВ с ним все чаще запирался в кабинете. СЕРЕБРЯКОВА сказала мне, что у СОКОЛЬНИКОВА и КАРПОВА дружба окрепла, что они во всем согласны, что они договорились. Что касается РЕЙНГОЛЬДА и его разговора, то она сказала мне, что дело это оказалось гораздо сложнее и не скоро будет разрешено. Когда я сообщил позже СОКОЛЬНИКОВУ, что РАДЕК согласен встретиться, он мне ответил, что это подождет, о сроке встречи он РАДЕКУ сообщит. Когда я настойчиво спросил его - кто решает вопрос

сы - он сказал "очень скоро вопрос будет решен".

Вот все, что я знаю по поставленному мне следствием вопросу о руководстве. Я говорю все что я знаю, потому, что понимаю важность этого вопроса и не скрыл бы от следствия фактов мне известных. Я прошу Вас учесть, что для СОКОЛЬНИКОВА и других весьма ответственных партийных и советских работников, посещавших его квартиру, я был только историком, правда, историком-троцкистом¹⁹. СОКОЛЬНИКОВ далеко не обо всем говорил со мной, далеко не все сообщал мне. Я был больше связан с Галиной СЕРЕБРЯКОВОЙ, чем с СОКОЛЬНИКОВЫМ.

Карл РАДЕК знал о моем знакомстве с Г.СОКОЛЬНИКОВЫМ и Г.СЕРЕБРЯКОВОЙ. Спустя некоторое время, примерно в марте-апреле 1936 г., я как то спросил у РАДЕКА "видел ли он СОКОЛЬНИКОВА". Он ответил, что видел. Значит ли это - спросил я, "что вопрос решен". РАДЕК сказал: "Конечно нет, тут дело не в журналистах". Считаю, что встреча с ТИВЕЛЕМ в кабачке на Тверской, была РАДЕКОМ организована заранее, и что речь шла о том, чтобы познакомить меня с ним ближе для каких-то задач.

Выполнить это не удалось, так как с половины апреля, среди троцкистов начались волнения в связи с арестами. ТИВЕЛЯ я больше не видел.

Я попытался припомнить все основное, что знал о РАДЕКЕ и СОКОЛЬНИКОВЕ. В случае, если я что либо забыл, я прошу следствие помочь мне восстановить забытые фак-

120
190

- 11 -

ты. Все, что я знал по этим вопросам - я сказал.

Сознавая всю тяжесть своих преступлений, я хотел-
бы всем остатком своих сил сделать возможное для ра-
зоблачения прежде всего самого себя и моих соучастни-
ков по преступлению, заслужить, если возможно, право на
жизнь и работу для родины.

Г.ФРИДЛЯНД.

7 августа 1936 г.

В е р н о:

ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ СПО ГУГБ
СТАРШ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВ.БЕЗОПАСНОСТИ:

М.Светлов (СВЕТЛОВ)